

Таким образом, в русской и казахской литературе замечается тенденция развития вопросов карьеризма, а примеры Червякова и Абена Ильясовича становятся в один ряд с вечными образами – литературными персонажами, получившими многократное воплощение в произведениях разных стран и эпох. Героев роднит тяга к особому положению, должности или признанию окружающего общества. В своих произведениях нередко писатели обличают пороки общества, конгломератом главного героя повестей, романов, пьес и рассказов является образ карьериста, соединяющий в себе черты одинокого и обыкновенного человека со своим взглядом на жизнь, психологический портрет которого на примере героя Төлена Абдикова мы попытались рассмотреть в данной статье.

Литература

1. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Сост. и общая ред. Г.А.Дубровской. Изд. 3-е. – М.: Дет. лит., 1989. – 238 с.
2. Михайличенко Б.С. Проблемы литературоведения: теория литературы. Монография. - Самарканд: СамГУ, 2009. – 182 с.
3. Фесенко Э.Я. Теория литературы: учебное пособие для вузов / Э.Я. Фесенко. - Изд. 3-е, доп. и исп. - М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2008. – 780 с.
4. Чехов А.П. Смерть чиновника // Полное собр.соч. в 30 т. Т.2. -М.:Наука, 1975. – 350 с.
5. Әбдіқов Төлен. Адам сыртқы қайшылықты өз ішінен іздеуі керек. / Жұлдыздар отбасы. - Республикалық жастар журналы. №6 (72) Наурыз 2010. – 52 б.
6. Әбдіқұлы Төлен. Оң қол. Повестер мен әңгімелер. – Алматы, Атамұра, 2002. – 352 б.
7. Құнанбаев Абай. Шығармалары. – Алматы:Атамұра, 1995. – 560 б.

Глушковски М.А. (Польша, Торунь)

Университет Николая Коперника

micglu@umk.pl

<https://orcid.org/0000-0003-3353-2671>

ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕКСТАХ ПОТОМКОВ ПОЛЬСКИХ ДОБРОВОЛЬНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ, Д. ВЕРШИНА ИРКУТСКОЙ ОБЛ.

Аннотация: В польской историографии Сибирь ассоциируется прежде всего с насильственными депортациями в рамках репрессий царской, а затем и коммунистической власти, но на рубеже XIX и XX веков туда отправлялись и добровольные переселенцы. Деревня Вершина была основана в 1910 году, и её жители по сей день сохранили польский язык, католическую религию, традиции и обычаи, хотя во всех этих сферах просматриваются русские и – в меньшей степени – бурятские влияния. В статье речь идет о том, как польская идентичность проявляется в немногочисленных письменных текстах, созданных в этой общине. Это тексты песен и церковные молитвословы, написанные кириллицей на польском языке, а также школьные сочинения по истории деревни на русском языке, хроника местного историка-любителя и научные труды, написанные жителями села.

Ключевые слова: Сибирь, польское меньшинство, добровольная эмиграция, идентичность, традиция, хроника, местная история.

Андамна: Поляк тарихнамасында Сібір, ең алдымен, патша, содан кейін коммунистік билікті қуғын-сүргін аясында күштеп депортациялаумен байланысты, бірақ XIX және XX ғасырлардың басында ерікті қоныс аударушылар да сол жерге жіберілді. Вершина ауылы 1910 жылы құрылды және оның тұрғындары осы күнге дейін поляк тілін, католик дінін, дәстүрлері мен әдет – ғұрыптарын сақтап қалды, дегенмен бұл салалардың барлығында орыстар мен аз дәрежеде бурят әсерлері көрінеді. Мақалада поляк сәйкестігі осы қауымдастықта жасалған бірнеше жазбаша мәтіндерде қалай көрінетіні туралы айтылады. Бұл поляк тілінде кирилл алфавитімен жазылған ән мәтіндері мен шіркеу дұғалары, сондай-ақ орыс тіліндегі ауыл тарихы туралы мектеп жазбалары, жергілікті әуесқой тарихшының шежіресі және ауыл тұрғындары жазған ғылыми еңбектер.

Түйін сөздер: Сибирь, поляк азшылығы, ерікті эмиграция, сәйкестілік, дәстүр, шежіре, жергілікті тарих.

Abstract: In Polish historiography, Siberia is associated primarily with forced deportations as part of the repression of the tsarist and later communist authorities, but at the turn of the 19th and 20th centuries, voluntary migrants also went there. The village of Vershina was founded in 1910, and its inhabitants have preserved the Polish language, Catholic religion, traditions and customs to this day, although Russian and – to a lesser extent – Buryat influences are visible in all these spheres. The article concerns the ways in which Polish identity is manifested in the few written texts created in this community. These include song lyrics and church prayer books written in Cyrillic in

Polish, as well as school essays on the history of the village written in Russian, a chronicle of a local amateur historian, and scientific works written by village residents.

Keywords: *Siberia, Polish minority, voluntary emigration, identity, tradition, chronicle, local history.*

Сибирь прочно связана с польской историей – о присутствии поляков за Уралом ежегодно пишутся десятки научных работ [см., напр., 1]. Наиболее ярко представлены мартирологическое направление и история польских ссыльных, с особым акцентом на участниках восстаний против царской власти [2]. На основе наиболее широко сформированного в польском сознании образа Сибири, т.е., прежде всего, через систему образования и учебники [3], может сложиться впечатление, что это всего лишь место, куда поляки попали против своей воли. Как отмечает А.Стравинская, топоним «Sybir» в польской публицистике, художественной и научной литературе (в основном исторической) заменяется рядом эвфемизмов, таких как *czyściec odkupienia* ‘чистилище искупления’, *dom niewoli* ‘дом рабства’, *nieludzka (или przeklęta) ziemia* ‘бесчеловечная (или проклятая) земля’, *kraina powolnego konania* ‘земля медленного умирания’, *lodowe piekło* ‘ледяной ад’ и др. [4, 63]. Важно отметить, что эти смысловые связи имеют место в случае польской лексемы «Sybir», культурно и исторически маркированной, в дополнение к которой существует нейтральный термин «Syberia», используемый для описания Сибири как географического региона. Формальные различия между двумя терминами не случайны, поскольку лексема «Sybir» – частично фонетически адаптированное заимствование из русского языка (ср. рус. [s'ib'ir'] и польск. [syb'ir]), а нейтральная «Syberia» является адаптацией лат. *Siberia* (или *Sibiria*)¹. Однако попытка хотя бы частично углубиться в вопрос присутствия поляков в Сибири показывает, что даже в контексте судебных ссыльных – участников польского восстания 1863–64 годов ситуация многоаспектна. Вместе с людьми, осужденными за участие в боевых действиях или поддержку повстанцев, члены их семей уехали за Урал (названные С. Мулиной «эмигрантами поневоле» [5]), а после отбытия наказания многие из них решили остаться в Сибири или вернулись туда добровольно, не сумев адаптироваться к возвращению в родные регионы Польши.

В связи с тем, что Польша была лишена независимости на 123 года в результате разделов, произведенных в 1772–1795 годах Россией, Австрией и Пруссией, и большая часть отошла к Российской империи, естественные и добровольные миграции внутри одного организма. Также следует учитывать состояние. Эти поездки были продиктованы стремлением к профессиональному и социальному росту или получению образования, напр. на университетах в Москве, Петербурге и Казани [6]. На территориях, не являвшихся бывшими польскими землями, царские власти относились к полякам более либерально и можно было сделать карьеру не только в администрации, но даже в полицейской службе [7; 8, 206–208].

В миграции в Сибирь участвовали и непривилегированные классы, т.е. крестьяне, долгое время не имевшие возможности свободно передвигаться по стране, которую они частично получили после отмены крепостного права в 1864 г. В результате ограничений права выхода из сельской общины, крестьян-мигрантов 60-ые и 1870-ые годы можно было считать в тысячах, и только после аграрной реформы П. Столыпина в 1906 году [9, 37–39] крестьянское расселение в Сибири достигло своего апогея и численности нескольких сотен тысяч человек [10, 20]. Итак, на рубеже XIX и XX вв. в Сибири возникло множество польских деревень, некоторые из которых существуют и поныне: Белосток в Томской области [11], Александровка в Красноярском крае [12] и подвергающаяся анализу в данной статье Вершина в Иркутской области.

Жители самых западных областей Российской империи, то есть Малой Польши, решили воспользоваться финансовой и административной поддержкой царских властей в виде выделения участка площадью 10–12 га, субсидирования транспортных расходов и налоговых льгот в первые годы после переселения в Сибирь. Место для поселения выбрали т.н. ходоки, делегированные поселенческими общинами, – в их случае это был Боханский район Иркутской области, в местности, известной как Трубачеевский участок на реке Иде [10, 121].

В истории сообщества, существующего более 110 лет, можно выделить три основных периода, границы которых обозначены историческими событиями и социально-экономическими процессами

¹ Замечается также сходство с другими европейскими языками, формирующими географические названия на основании латинских (ср., напр., англ. *Siberia*, фр. *Sibérie*, венг. *Szibéria*, нем. *Sibirien*).

[ср. 10, 113–232; 13, 20–21]. В каждом из них происходили важные изменения в идентичности вершининцев².

В первый период после заселения (1910–39 гг.) жители Вершины пытались воссоздать на новом месте социокультурные условия жизни своих родных деревень, что им в определенной степени удалось, так как они построили римско-католический костел и получили разрешение на преподавание польского языка в местной школе [14, 11–12]. Контакты с коренным бурятским населением сводились к экономическим вопросам, а культурные и религиозные различия препятствовали более глубокой интеграции. Общение с восточными славянами, русскими в государственном управлении и украинскими поселенцами из села Тихоновка, расположенного примерно в 15 км от Вершины, также было ограничено, поэтому можно говорить об относительной изоляции общины, создавшей языковой остров [15]. Таким образом, поляки изначально смогли сохранить и культивировать свою идентичность, которую не нарушили даже политические изменения, связанные с Октябрьской революцией и новым геополитическим порядком после 1918 года. Хотя после окончания Первой мировой войны сибирские переселенцы были отделены от оставшихся в Польше родственников государственной границей³, на их жизнь это не оказало серьезного влияния, поскольку из-за расстояния в несколько тысяч километров они не поддерживали контакты с ними и не планировал возвращаться из эмиграции. Лишь немногие семьи воспользовались возможностью репатриации в 1926 году по польско-советскому межгосударственному договору, и только принудительная коллективизация 1930-х годов оказала существенное влияние на положение вершининцев. Поселенцы были лишены участков, которых приобретение было основной причиной эмиграции, обучение польскому было отменено [16, 228], костёл – закрыт, а кроме того, в рамках т.н. «польского дела» НКВД в 1937 году 30 жителей деревни были арестованы, после ложного суда приговорены к смертной казни и расстреляны [10, 184–188]. Символическим завершением этого периода стало присоединение русского хутора «Одыгон» к вершининскому колхозу, что способствовало повлекло за собой утрату этнической гомогенности деревни [14, 19–20].

Во второй период истории польской деревни в Сибири (1940–90 гг.) произошли наибольшие изменения в общественной жизни и групповой идентичности его жителей. Вершининцы участвовали в Великой Отечественной войне, служили в тылу и в регулярных частях Красной армии вместе с другими народами. Участие в этих важных для советской национальной идентичности событиях ускорило ассимиляцию потомков польских переселенцев в окружающую среду – участились браки с русскими и украинцами, а этнически гетерогенные семьи все охотнее заменяли польский язык русским в очередных сферах жизни [15, 429]. Без поддержки такого важного в культурном и социальном плане института в традиционной польской деревне, как костёл, изменения идентичности ускорились. Советизация и атеизация не лишили поляков их специфики и самобытности по отношению к бурятским и восточнославянским соседям, но ослабили многие компоненты идентичности и привели к созданию смешанной культурной системы, сочетающей польские, русские, советские и бурятские элементы [17, 32–33].

Последний период относится к периоду распада СССР, т.е. с 1991 года, но определенные процессы начались несколькими годами раньше, во время перестройки. Восстановление религиозных свобод, право преподавания унаследованного языка в местной школе, а также возможность институциональной поддержки со стороны консульства Республики Польша в Иркутске и польских организаций, поддерживающих соотечественников за рубежом, стали самыми важными изменениями в жизни вершининцев после окончания коммунистического периода. Однако, в некоторых сферах жизни трудно было вернуться к прошлому: народ после более чем 50 лет без костёла отвык от религии и забыл значение даже самых важных праздников и ритуалов [18]. Тем не менее, возникшие или воссозданные возможности способствуют сохранению и развитию польской идентичности. Как замечает Н. Галеткина, интерес, вызываемый Вершиной в Польше, и проявляющийся в посещении деревни польскими туристами и представителями высших государственных властей, повысил престиж польской общины в сибирском окружении [19, 173].

Рассматривая способы отражения сформировавшейся таким образом польско-сибирской идентичности жителей Вершины в созданных ими текстах, прежде всего необходимо уточнить смысл этого понятия. Ю. Штрауб определяет групповую идентичность как «нечто, что каким-то образом

² Хотя согласно правилам русского словообразования жителей д. Вершина следовало бы называть «вершинцами», а образованное от этого топонима прилагательное должно звучать «вершинский», в литературе прижалась терминология, употребляемая самими жителями польской деревни в Сибири: «вершининцы» и «вершининский».

³ Польша восстановила независимость и больше не составляла одно государственное образование с Россией.

связывает определенных людей вместе или, другими словами, делает их коллективом, члены которого могут быть по крайней мере часто известны последовательно, потому что они описывают себя как таковые» [20, 1134]. Другие авторы перечисляют компоненты идентичности, и хотя они могут скрываться под несколько иными понятиями и располагаться в разном порядке, по их набору существует относительное согласие [ср. 21, 228; 22, 47; 23, 17-23 и др.]: 1) национальность (этничность), 2) язык, 3) религия, 4) культурное наследие, 5) система традиций и обычаев, 6) общая история, разделяемая членами группы (социальная память, коллективная память), 7) внутренняя целостность группы, 8) чувство своей самобытности на фоне других групп.

Жители Вершины – билингвы, но их двуязычие асимметрично, т.е., во-первых, более сильным языком является русский, во-вторых, в контакте принимают участие разные языковые варианты: стандартный русский язык и малопольский диалект с многочисленными проявлениями интерференции, в-третьих, асимметрия касается также письма – лишь немногие потомки польских переселенцев умеют писать по-польски. Итак, создаваемые в исследуемой нами общине тексты написаны на русском языке или представляют собой записи малопольского диалекта в кириллической транскрипции. Во время 4 экспедиций в гг. 2008, 2011, 2016 и 2019 основу собранного материала составляли аудиозаписи интервью с информантами, но удалось тоже собрать разные типы письменных текстов: песни местного фольклорного ансамбля «Яжумбек» (по-польски, транскрипция кириллицей), церковные песни и молитвы (по-польски, транскрипция кириллицей), школьные сочинения об истории деревни (по-русски), иллюстрированная хроника истории деревни (по-русски [см. 14]), дипломные работы, научные статьи и монографии, посвященные языку, идентичности и культуре Вершины, написанные её жителями (по-польски и по-русски).

Репертуар ансамбля «Яжумбек» (польск. «рябчик») разнообразен и включает в себя как традиционные польские народные песни, передаваемые из поколения в поколение от первых поселенцев, так и популярные русские песни и новые польские песни, разученные благодаря кассетам и пластинкам, привезенным туристами из Польши или во время приездов в страну своих предков. В своем многообразии все они отражают многомерную самобытность вершининцев, но в контексте сохранения ядра их культуры наиболее интересны первые. Приведем их примеры:

Шла джевтшына дрогум, и так сэ мувила:
пуйдэ за гурника, пуйдэ за гурника
не бэндэ робила / 2 разы

Пошла за гурника, и робичь мущала
ештшэ од гурника, ештшэ од гурника
килофэм достала / 2 разы

*Шла девушка по дороге, и так говорила
выйду я за шахтёра, выйду я за шахтёра,
не буду работать / 2 раза*

*Вышла за шахтёра, и пришлось ей работать
а ещё и от шахтёра, а ещё и от шахтёра
кайлом получила / 2 раза*

Ехал Пан гаёвы, бэз лас малиновы,
ой, напоткал там панинкэ, збирала ягоды.

Збирой, панно, збирой, жэбыщ назбирала,
а як повруцэ назод, жэбыщ ми е дала.

Ун повручил назод, уна му ще скрыла,
под желунум яблонэцкум цало ще окрыла.

Шукол ё че, шукол, зналоз ё че, зналоз,
ой, пшы двоже , муй Божэ, з пшыхувэцким зарос.

*Ехал лесник по малиновому лесу
ой, встретил он там девушку, собирающую ягоды*

*Собирай, девушка, собирай, чтобы ты собрала
когда буду возвращаться, чтоб ты мне их дала*

*Он вернулся, а она спряталась
под зеленой яблоней она спряталась*

*Искал её, искал, нашёл её, нашёл,
Ой, у двора, Боже мой, и сразу с потомством.*

Это юмористические песни, исполняемые на веселую, живую мелодию, которые являются примером сохранения традиций и иностранных обычаев и передачи их из поколения в поколение. В одной из песен есть прямое отсылка к реалиям юго-западной Малой Польши, то есть Домбровского бассейна с развитой горнодобывающей промышленностью: девушка планирует выйти замуж за шахтёра. Более того, песни способствуют сохранению унаследованного языка – они исполняются на диалекте, а тексты отражают характерные региональные языковые особенности, напр., расщепление носовых гласных $\epsilon > en$: $b\epsilon d\epsilon > bende$, $q > um$: $jab\text{ł}oneczka > jab\text{ł}oneckum$ или их деназализация $\epsilon > e$: $b\epsilon d\epsilon > bende$, мазурение, т.е. отождествление альвеолярных \check{c} , \check{z} , \check{s} , \check{c} зубными c , z , s , напр., $\check{c} > c$: $z\text{przych\text{ó}weczkiem} > z\text{przych\text{ó}weckim}$, произношение i вместо долгого e , напр., $zbieraj > zbioraj$ и др. [24, 28–57]. Важна и используемая система письма: члены ансамбля «Яжумбек» не пытались писать латиницей в соответствии с польской орфографией, поскольку, хотя они и знают ее основы, это затруднило бы им быстрое чтение текста во время репетиций и концертов, но выбирают самое естественное решение: пишут польский диалектный текст на основании русской системы записи. Во внутригрупповом общении в старшем и среднем поколении малопольский диалект выполняет важные функции, и никто не заменяет его литературным польским языком [15, 433–434]. Итак, этот говор является важным показателем вершининской идентичности.

Похожая система применяется в записи церковных текстов, но песни и молитвы, а также фрагменты римско-католического богослужения записываются не на диалекте, а на стандартном варианте польского.

ОБЖЭНДЫ КОМУНИИ

Ойче наш, ктурысь ест в небе, свенчъ се Име Твое. ПШЫЙДЗЬ Крулество Твое, бондзь воля Твоя яко в небе, так и на земи. Хлеба нашэго повшеднего дай нам дзисяй. И отпусьчь нам нашэ вины яко и мы одпуцамы нашим виновайцом. И не вудзь нас на покушэне, але нас збав одэ злэго. Амэн.

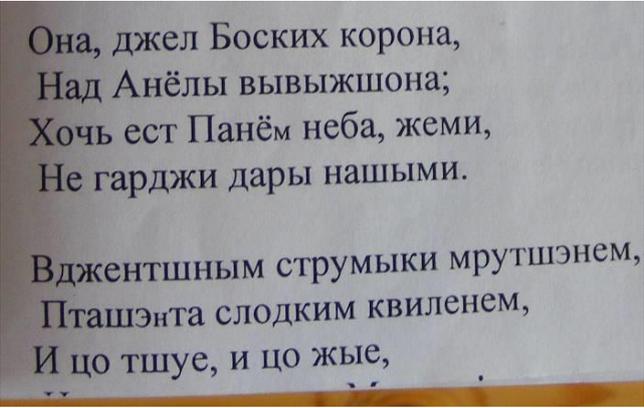
ОБРЯДЫ ПРИЧАСТИЯ

Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое. Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь. И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь. [перевод за: 25].

7. Хвалче лонки умаёнэ,-

Гуры долины желонэ,
Хвалче ченистэ гаики,-
Жьрудла и крэнтэ струмыки.

Цо игра з можа фалями,
в поветшу буя скшыдлами,
Хвалче з нами Панём швята,
Ей длонь наша венец сплята.



Она, джел Боских корона,
Над Анёлы вывыжшона;
Хочь ест Панём неба, жеми,
Не гарджи дары нашыми.

Вджентшным струмыки мрутшэнем,
Пташэнта слодким квиленем,
И цо тшуе, и цо жые,

*Хвалите цветущие луга,
Зелёные горы и долины,
Хвалите тенистые рощи,
Ключи и крутые речки.*

*Играющую с морскими волнами,
Летящую на крыльях,
Хвалите вместе с нами Королеву мира,
Её ладонь переплетается с нашими в венке.*

*Она – венец дел Божьих,
Возвышенная над ангелов,
Хотя она – хозяйка неба и земли,
Не презирает нашими дарами.*

*Ручьи изящным журчанием,
А птицы сладким пением,
Пусть всё чувствующее и живое
Вместе с нами восхваляет Марию⁴.*

⁴ Последняя строка в молитвеннике был обрезана.

Молитва Господня записана точно так же, как в Римско-Католической Церкви, но для удобства верующих – с использованием «гражданки». В связи с тем, что после отмены роли латыни как богослужебного языка на Втором Ватиканском соборе (1962–65) в литургии может применяться любой язык, нет формальных препятствий, чтобы священники в Вершине перешли полностью на русский язык. Использование польского языка, даже если в конце мессы необходимо кратко изложить Евангелие и проповедь для тех, кто не владеет унаследованным языком, является выражением местной идентичности: поляки связывают свою религиозную жизнь с традициями и использованием польского языка. Такое отношение уважается церковными властями и для этого подготовлены соответствующие молитвенники. Несмотря на некоторые колебания и ошибки, отмеченные Н. Ананьевой [26], можно положить, что транскрипцией занимались люди с филологическим образованием и знанием польской и русской орфографии и орфоэпии, что позволило им найти наиболее эффективные решения. Интересным примером является песня «Хвалите цветущие луга», поскольку она записана на архаичном польском языке 40-х гг. XIX столетия и в таком виде передалась в песеннике.

Интересным источником, отражающим подход вершининцев к их идентичности и ее отдельным элементам, являются школьные конкурсные сочинения. Их большое значение обусловлено тем, что их авторы – молодые люди, учащиеся старших классов, находящиеся на пороге жизненного решения о самоопределении на будущее. Их чувство идентичности будет передаваться следующим поколениям, зачастую за пределами родного города, который молодые люди покидают на этапе получения высшего образования и затем чаще всего остаются в крупном городе (Иркутске), где находят работу. Работы создавались в рамках школьных областных исторических конкурсов и имеют такие названия, как: «Слово о дедушке», «Поляки в Сибири. История вершининских переселенцев», «Моя малая родина» и т.п. Поскольку судьба жителей была общей, во всех темах повторяются одни и те же нити: описание прибытия первых поселенцев и трудностей, связанных с адаптацией на новом месте, отношения с бурятской общиной и ее культурой, неизвестной Поляки, коллективизация и сталинские репрессии. Студенты дополнили свои эссе генеалогическими древами своих семей, что является важным фактором укрепления групповой идентичности за счет усиления внутренней интеграции и чувства общности. Сами же рассказы предках и их судьбах – это общая история, разделяемая членами группы, выражение её социальной памяти [27].

Один из самых обширных текстов, посвященных самобытности Вершины, созданный ее жителями, представляет собой богато иллюстрированную хронику истории и современности рассматриваемой нами общины. В. Петшик родился в Сибири, еще ребенком в семье первых поселенцев в 1925 году и, работая в местном колхозе агрономом, собрал материалы о своем селе, в том числе: вырезки из газет, школьные аттестаты, удостоверения личности и дипломы, статистические данные о посевах, урожаях и животноводстве [шире о хронике Петшика см. в 28]. Автор был историком-любителем и, помимо использования собственной памяти как коренного жителя и человека, знавшего историю села практически с ее истоков, он старался хотя бы частично применять методологию исторических исследований: использовал архивные материалы, публицистические сведения и другие существующие источники, а в частности фотокопии биографических документов. Расположение содержания в книге отражает то, что он считал наиболее важным в истории деревни. Кроме последнего раздела личного характера (под названием «Моя биография»), посвященной автору и его близким, в отдельных главах поочередно рассматривались: история переселения, строительство землянок в Вершине и первые годы после переселения, коллективизация, быт и традиции до войны, репрессии 1937г, Великая Отечественная война, колхозные будни после войны, природа села и его окрестностей, история образования и вершининцев, получивших высшее образование, представления о Вершине в прессе и репортажах, родословные местных семей [14, 190–191].

Научные труды, написанные жителями Вершины, в силу своей специфики отличаются от других анализируемых нами текстов. Даже если они касаются важных для идентичности вершининцев явлений и процессов, они не являются их прямым выражением, поскольку авторы, используя определенную методологию и исследовательские парадигмы, обязаны сохранять научную объективность. Тем не менее, сам факт выбора тем, связанных с родной деревней, в научной работе на этапе бакалавриата или магистратуры является формой заботы о её культуре и выражения уважения к судьбам своих предков. Это тем более актуально, если идентичность или язык меньшинства становятся предметом профессиональной научной деятельности в рамках аспирантуры и подготовки кандидатских диссертаций, презентаций на конференциях и научных статей.

Магистерская диссертация Л.Фигуры-Вижентас, а затем основанная на ней обширная статья в коллективной монографии под редакцией Э.Новицкой и М. Гловацкой-Грайпер, были первым исследованием Вершины и, следовательно, охватили многие аспекты ее идентичности: чувство этнической и национальной принадлежности, описание традиций и обычаев и их трансформации под влиянием России, особенности языка и двуязычия [29]. Хотя характерные особенности малопольского диалекта, сохранившиеся у жителей Жешува, были предметом интереса польских и российских лингвистов с конца 1980-х годов, наиболее детальным исследованием на эту тему является докторская диссертация С.Митренги-Улитиной, опубликованная под названием монография в 2015 году [24]. Примечательно, что обе исследовательницы завершили обучение в Польше – Л. Людмила-Вижентас в Гданьском университете, а С. Митренга-Улитина в Люблинском университете Марии Кюри-Склодовской. Проблематика, связанная с составными вершининской идентичности, были также предметом исследований, проводимых жителями польской деревни в Сибири в российских университетах. Э. Вижентас (дочь Л. Фигуры-Вижентас) завершила обучение в Москве, в Московском государственном институте культуры, посвятив магистерскую работу народной музыкальной культуре своей родной местности [30]. В настоящее время она продолжает свои научные интересы в аспирантуре Университета Николая Коперника в Торуне, работая над кандидатской диссертацией о польских ритуалах жизненного цикла (рождения и смерти) в мультикультурном пространстве Сибири [31 и др.].

Представленный в статье обзор различных типов текстов, в которых жители Вершины выражают свою идентичность, показывает, что это не «национальный польский кодекс», с которым мы столкнулись бы сегодня в регионах, из которых более чем 110 лет тому назад эмигрировали малопольские поселенцы. Изменения, происходившие под влиянием исторических событий, в окружении русских, украинцев, бурят и других народов Сибири, отразились и на вершининских поляках. Будучи гражданами СССР, а с 1991 года – Российской Федерации, жители польских деревень более свободно говорят по-русски, ежедневно знакомятся с русской массовой культурой, изучают историю в школе с русской точки зрения, и более половины столетие они были лишены возможности участвовать в религиозных службах католической церкви. Поэтому, например, и ученики в своих школьных сочинениях, и В. Петшик в своей хронике пишут не о Второй мировой войне, а о Великой Отечественной войне [14, 48–59]. Выбор русского алфавита для написания текстов на польском языке также является следствием русского языкового и культурного влияния. В то же время, несмотря на происходящие изменения, вершининцы сохраняют многие элементы своей традиционной идентичности, в том числе фольклор и католические обряды, отличая себя от своих сибирских соседей.

Литература

1. Niebelski E. „Polscy bernardyni na Syberii. Listy misyjne z 1821 roku”. *Nasza Przyszłość* t. 139 (2023): 201-219. DOI:10.52204/np.2023.139.
2. Kaczyńska E. *Syberia: Największe więzienie świata (1815-1918)*. Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza „Gryf”, 1991.
3. Zintegrowana Platforma Edukacyjna (ZPE). *Syberia – niechciany dom polskich zesłańców w XIX w.* 2023. <https://zpe.gov.pl/a/syberia---niechciany-dom-polskich-zeslancow-w-xix-w/DVmSFCzZp>
4. Strawieńska A. „*Sybir* w słownikach języka polskiego oraz w świadomości współczesnych Polaków” // *Sybir. Wysiedlenia – losy – świadectwa*. Под ред. Ławski J. и др. Białystok: Muzeum Wojska w Białymstoku, Katedra Badań Filologicznych „Wschód – Zachód”, Książnica Podlaska im. Łukasza Górnickiego w Białymstoku, 2013, с. 59–69.
5. Мулина С. *Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири*. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 2012.
6. Глушковски М. *Разнообразные плоскости русского влияния на польскую социологию в 1864-1918 гг.* // *Крымско-польский сборник научных работ*, Т.9, под ред. Гадомского А.К. Симферополь: Universum, 2011, с. 229–234.
7. Chaniewicz W. *Polacy na służbie w policji w guberni tomskiej od XIX do początku XX wieku.* // *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku*. Под ред. Kuczyński A. Wrocław: Wydawnictwo Silesia DTSK, 2007, с. 247–262.
8. Opłakańska A. *Polacy na służbie państwowej w Syberii Zachodniej w drugiej ćwierci XIX wieku.* // *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku*. Под ред. Kuczyński A. Wrocław: Wydawnictwo Silesia DTSK, 2007, с. 205–216.
9. Leończyk S. *Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku*. Warszawa: Impresje.net Miłosz Trukawka, 2017.

10. Masiarz W. Wierszyna: polska wieś na Syberii Wschodniej 1910–2010. Z dziejów dobrowolnej migracji chłopów polskich na Syberię na przełomie XIX i XX wieku. Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2016. <https://www.repozytorium.ka.edu.pl/handle/11315/19167>
11. Haniewicz W. Tragedia syberyjskiego Białegostoku. Перев. Hlebowicz A. Pelplin: Wydawnictwo Bernardinum, 2008.
12. Stupiński E. Poliszczyna okolic Krasnojarska. Неопубликованная кандидатская диссертация под научным руководством проф. С. Гали. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2009.
13. Głuszkowski M. Historia Wierszyny w opracowaniach historycznych i kronikarskich // Polska wieś na Syberii. Wierszyna w świetle historii mówionej. Под ред. Głuszkowski M. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2022, c. 17–26.
14. Петшик В. Маленькая Польша в таежной Сибири. Норильск: Издательство «АПЕКС», 2008.
15. Głuszkowski M. “Vershina, a Polish village in Siberia, as a language (dialect) island”. Zeitschrift für Slawistik 4/57 (2012): 427–442.
16. Szostak J. „Epitafium pomordowanym przez NKWD mieszkańcom polskiej wsi Wierszyna we Wschodniej Syberii koło Irkucka w 1938 r.” Rocznik Historyczny Muzeum Polskiego Ruchu Ludowego 18 (2002): 227–235.
- 17]. Wiżentas E., Pawlaczyk A. Hybrydyzacja kulturowa // Polska wieś na Syberii. Wierszyna w świetle historii mówionej. Под ред. Głuszkowski M. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2022, c. 31–35.
18. Wiżentas E. Obyczajowość, tradycje i folklor muzyczny // Polska wieś na Syberii. Wierszyna w świetle historii mówionej. Под ред. Głuszkowski M. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2022, c. 35–47.
19. Галеткина Н. Пихтинские голендры и вершининские поляки: Очерки по этничности сибирских переселенцев. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в СПб, 2015.
20. Straub J. Tożsamość osobista i zbiorowa. Analiza pojęciowa. Перев. Marody M. // Współczesne teorie socjologiczne Vol. 2. Под ред. Jasińska-Kania A. и др. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2006, c. 1119–1134.
21. Olechnicki K., Załęcki P. Słownik socjologiczny. Toruń: Graffiti BC, 1998.
22. Szpociński J. „Kanon kulturowy”. Kultura i Społeczeństwo XXXV, 2 (1991): 47–56.
23. Edwards J. Language and identity. An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. <https://ebookcentral.proquest.com/lib/ugalib/detail.action?docID=461128>
24. Mitrenga-Ulitina S. Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2015.
25. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Молитва «Отче наш» <https://school.orthpatr.ru/sites/default/files/sites/default/files/image/zb9%2032%20content.pdf>
26. Ananiewa N. „Teksty Polaków pisane grażdanką w syberyjskiej wsi Wierszyna”. Acta Baltico-Slavica 37 (2013): 287–298.
27. Głuszkowski M. „Obraz własny mieszkańców Wierszyny – polskiej wsi na Syberii na tle historii ich miejscowości. Na podstawie tekstów pisanych oraz ustnych relacji wierszynian”. Literatura Ludowa 2/53 (2009): 3–17.
28. Głuszkowski M. «Маленькая Польша в таежной Сибири / В. Петшик. Норильск 2008». Slavia Orientalis 57 (2008): 559–562.
29. Figura L. 2003. Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi // Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii. Под ред. Nowicka E., Głowacka-Grajper M. Kraków: Nomos, 2003, c. 71–132.
30. Виженас Э. Вершининские поляки: характерные черты локальной переселенческой традиции. Неопубликованная магистерская работа под научным руководством проф. И. Ржепянской. Москва: Московский государственный институт культуры, 2020.
31. Виженас Э. «Погребальная обрядность села Вершина Иркутской области». Живая Старина 2/110 (2021): 21–24.

Дауенова Ж.Ш. (Казахстан, Алматы)

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

dauenovazh@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0003-2945-6634>

ОСОБЕННОСТИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 30-Е ГГ. XX ВЕКА

Аннотация: В современном мире еда не только удовлетворяет физическую потребность, но и является неотъемлемой частью культуры. Гастрическая культура, как важный компонент этого явления, превращает прием пищи в уникальное искусство, отражающее особенности и ценности общества. В течение более полувека Советский Союз был культурным и политическим гигантом, чьи изменения отразились в различных сферах жизни. Изучение гастрономической культуры этого периода позволяет погрузиться в уникальный контекст времени, когда общество претерпевало значительные трансформации. Еда, в свою очередь, становится зеркалом, в котором отражаются ценности, традиции и образ жизни общества. Гастрика